M 25
294
1881

№ 25/294

ПОЛЬСКІЙ ВОПРОСЪ.

Письмо А. С. Хомякова къ А. О. Смирновой.—Нѣсколько словъ по поводу этого письма.—Нѣчто о русско-польскомъ вопросѣ въ нашей журналистикѣ.

Изъ журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“ 1881 г.

МОСКВА.
Типо-Литографія И. Н. Кушнерева и К°., Пименовская ул., д. Кушперевой.
1881.

2007096080

Польскій вопросъ.

I.

Письмо А. С. Хомякова къ А. О. Смирновой *).

Милостивая государыня

Александра Осиповна!

Можете ли вы себѣ представить положеніе непріятнѣе моего? Вамъ извѣстно мое всегдашнее глубокое отвращеніе отъ всякаго политическаго вопроса, а я теперь затравленъ, заѣденъ политикою. Куда ни выѣду, куда ни повернусь, въ мужское или дамское общество, все рѣчь одна: «Каковъ Ламартинъ или Ледрю-Роллень, и что прусаки, и что Познань?» Просто навожденіе! Меня беретъ злость. Еслибы вы, молодцы, думаю я, ходили въ зипунѣ да въ косовороткѣ, вы бы думали о своихъ домашнихъ да семейнымъ дѣлахъ, а не о вздорѣ, до котораго вамъ дѣла нѣтъ, и сами были бы умнѣе, и мнѣ бы не надоѣдали. Видно ужь таково вдохновеніе кургузаго фрака. Но вотъ что еще досаднѣе: мнѣ до того прожужжали уши политикою, что дома мнѣ отъ нея покоя нѣтъ. По цѣлымъ часамъ о ней думаетъ голова противъ воли ума. Пробовалъ я самъ себя отчитывать разными самыми кроткими книгами (какъ, напр., Лассена о клинообразныхъ надписяхъ)—и все не въ прокъ. Рѣшился на самое геройское средство—написать за одинъ разъ всѣ мои мысли, да и раздѣлаться съ ними навсегда. Примите милостиво мои мечты.

*) Это письмо А. С. Хомякова сообщено въ редакцію журнала *Бесѣда* съ разрѣшенія сына А. С., Дмитрія Алексѣевича, въ 1871 г. покойнымъ Василіемъ Алексѣевичемъ Елагинымъ, но не было напечатано по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ; потомъ оно было вторично, по нашей просьбѣ, передано намъ въ вѣрной копіи почтеннымъ издателемъ журнала *Русскій Архивъ*, Петромъ Ивановичемъ Бартеневымъ.

Вотъ извлеченіе изъ послѣднихъ мною слышанныхъ рѣчей: «Познань поднялася, или поднимается, или скоро подымется: она непремѣнно затронетъ насъ; загорится война. Германія съ радостію вышлетъ всѣхъ своихъ праздношатающихся республиканцевъ. Франція броситъ для своего собственнаго спасенія всѣхъ своихъ голодныхъ работниковъ на промыселъ военный и нѣмцы имъ охотно дадутъ путь. Борьба будетъ страшная. Россія устоитъ, но прольются потоки крови, и крови слишкомъ дорогой». Вотъ толки самые новѣйшіе! И на первый взглядъ все это кажется истиннымъ и едва ли не неизбѣжнымъ. А полно такъ ли? Россія сильна, непоколебима. Поэтому она свободна въ своихъ дѣйствіяхъ и властна сказать слѣдующее всему міру:

Она никогда не принадлежала европейской системѣ народовъ: Милостію Божіею, разумомъ государей и силою народа она возвращена и возвеличена. Она владѣетъ всею землею отъ Балтики до Тихаго океана; она сильна и людьми, и землею, но она всегда жила особнякомъ. Такъ было, есть и будетъ. Въ дѣла Европы вмѣшивалась она только случайно и вслѣдствіе внѣшняго вызова.

Въ концѣ прошлаго столѣтія Польша, разорванная, разграбленная, окровавленная своеволіемъ своихъ аристократовъ, грозила спокойствію своихъ сосѣдей и губила свой народъ. Державы восточной Германіи и Россія взяли ее подъ временный интердиктъ для общаго мира, причемъ Россіи возвращены были ея старыя области, удѣлъ Рюрикова рода, населенныя народомъ одноязычнымъ съ Россіею, а не съ Польшею. Въ 1815 году, послѣ долгихъ и кровавыхъ смутъ, интердиктъ былъ возобновленъ на общемъ совѣтѣ; но одна Россія, въ лицѣ своего государя, противъ воли многихъ, показала, что она считаетъ эту мѣру только временною и не хочетъ гибели польской народности. Въ 1830 году своевольное возстаніе наименѣе угнетенной Польши, противъ общаго приговора и общихъ трактатовъ, принудило Россію возстановить силою оружія интердиктъ, наложенный съ совѣта всѣхъ державъ.... Державы европейскія измѣнились: нѣтъ уже ни прежней Австріи, ни прежней Пруссіи; интердиктъ Польши безполезенъ для нихъ; онъ ни теперь, ни прежде не былъ нуженъ Россіи; ему не для чего продолжаться.

Вотъ, кажется, прямой и простой взглядъ на фактъ историческій. Выводъ былъ бы ясенъ.

Пусть возстановится Польша во сколько можетъ: Познань съ Гданскомъ (Данцигъ), княжество Галицкое и Краковъ, гер-

цогство Варшавское и часть Литвы, не говорящія по-русски. Но такъ какъ это дѣло не административное и не правительственное, а народное и историческое въ высшемъ значеніи слова, то въ немъ не должно быть признаваемо никакое случайное различіе между людьми и голоса должны быть собираемы поголовно: дворяне единицами въ счетъ крестьянскихъ единицъ, города причислены къ деревнямъ и т. п. Даже отсутствующіе могутъ быть допущены къ подачѣ голоса письменно въ той области, къ которой они желаютъ быть причтены. Голоса народные должны быть подаваемы на языкѣ народномъ: въ Польшѣ по-польски, въ Литвѣ по-литовски (совершенно непонятно для поляковъ), въ Галичѣ по-галицки (т. е. по-русски). Всякая область должна имѣть право приписаться или къ новой Польшѣ, или къ сосѣдней державѣ, или составить отдѣльную общину подъ покровительствомъ или безъ покровительства другой державы. То же право должно быть распространено на словянъ Лузаціи и Шлезіи; то же право можетъ быть распространено благороднымъ сеймомъ венгерскимъ на словянъ, хорватовъ, словаковъ, русиновъ и другихъ. Такимъ образомъ будущая суть словянскихъ народовъ будетъ опредѣлена ими самими; а кажется роду Романовыхъ нечего бояться народнаго голоса.

Россія надѣется, что это предложеніе будетъ принято и приведено въ скорое исполненіе: она готовитъ списки всеобщіе къ половинѣ іюня нашего стиля.

До тѣхъ поръ границы ея (т. е. до рѣшенія вопроса), или лучше сказать границы, ввѣренныя трактатами ея храненію, должны быть неприкосновенны.

Если же, несмотря на это предложеніе, кто-нибудь осмѣлится своевольно или насильно, предупреждая голосъ народа, вторгнуться въ предѣлы, охраняемые государемъ, того встрѣтитъ сила Россіи. За насъ будетъ честность нашего намѣренія, правота нашего дѣла, Богъ и даже совѣсть нашихъ враговъ.

Такое объявленіе могло бы быть сообщено всѣмъ правительствамъ и народамъ и напечатано во всѣхъ газетахъ.

Тутъ нѣтъ ни малѣйшей тѣни уступки, ибо исполняется только намѣреніе покойнаго государя, и тутъ же смѣлый вызовъ на бой. Это было бы громовымъ ударомъ, который ошеломилъ бы весь міръ. Всѣ будутъ сбиты съ толку: ни одна собака не осмѣлится брехнуть на государя, и врагамъ останется только мол-

чать или хвалить, хотя бы имъ пришлось подавиться этой невольною хвалою.

Вѣроятныя послѣдствія. При уничтоженіи аристократическаго вліянія и уменьшеніи городоваго вліянія въ Польшѣ, въ крестьянствѣ оказалось бы много голосовъ въ нашу пользу, а въ Галичѣ большинство (по сродству языка и особенно по духовному сродству) было бы или за насъ, или, по крайней мѣрѣ, за отдѣльное существованіе, и этимъ самымъ старая, клерикально-аристократическая Польша была бы подорвана навсегда. Въ Литвѣ—то же, или почти то же, вслѣдствіе употребленія литовскаго языка.

Вѣрныя послѣдствія. Государь нашъ сталъ бы выше всей Европы. Предлогъ къ войнѣ устраненъ: Франція задохнулась бы въ своемъ банкротствѣ; Германія запуталась бы въ вопросахъ о Данцигѣ и въ своихъ неразрѣшимыхъ задачахъ. Мадьяры и словяне принялись бы драться черезъ двѣ недѣли и отвлекли бы всѣхъ западныхъ словянъ. Частный вопросъ о Польшѣ потерялся бы въ вопросѣ общемъ, міровомъ, и русскій царь, совершенно свободный въ своихъ дѣйствіяхъ, былъ бы рѣшителемъ и законодателемъ всего европейскаго движенія.

Часть практическая проста. Добросовѣстное заготовленіе списковъ, запрещеніе всѣхъ манифестацій для сохраненія порядка и объявленіе, что всякій безпорядокъ будетъ наказанъ какъ преступленіе противъ законовъ, противъ государя и противъ народа, сильная охрана границъ, строгая казнь противъ зажигателей и разбойниковъ, изгнаніе заговорщиковъ и освобожденіе ихъ имѣній, если они дворяне, и передача имѣній ближайшимъ родственникамъ въ городахъ и тому подобное. Дальше моего ума не хватаетъ.

Виноватъ,—замечтался. Простите великодушно. Общій недугъ заразителенъ; но за то я отъ него отдѣлался разомъ. Дружба ваша, которою я горжусь, извинитъ длину этого скучнаго письма ради почтенія и преданности, съ которыми честь имѣю быть

Вашъ покорнѣйшій слуга
Алексѣй Хомяковъ.

М. 21-го 1848 г.
Москва.

II.

Нѣсколько словъ по поводу письма А. С. Хомякова къ А. О. Смирновой.

Иначе и не могъ думать Хомяковъ о польскомъ вопросѣ, — онъ жилъ духомъ въ истинѣ соборной церкви Христовой, а не внѣ ея. Его мысль стояла на высотѣ нравственнаго идеала этой истины и съ этой высоты обозрѣвалъ онъ всѣ явленія жизни человѣка и человѣчества.

По слову этой истины, *душа человѣка дороже цѣлаго міра*, ибо есть *храмъ Духа Святаго*. Силою этого слова, поднявшаго жизнь человѣческой души надъ внѣшними, преходящими, условными цѣлями и пользами политическими, государственными и т. п., во имя которыхъ часто посягаютъ на нее,—освящены и неприкосновенность личности человѣка, и свобода развитія и дѣятельности всѣхъ ея индивидуальныхъ творческихъ силъ.

Этимъ же словомъ, поставившимъ душу человѣка надъ всѣми сокровищами міра и освятившимъ ее, освящена еще и другая душа, слагающаяся изъ взаимнодѣйствія нравственныхъ личностей, развивающаяся подъ историческими и естественными вліяніями, — *народная душа*, *народная личность* съ ея индивидуальными творческими силами (народность).

Та же истина, освятившая самобытность и свободу личностей, человѣка и народовъ, произнесла: *да всѣ они едино будутъ*. «*Свобода въ единствѣ и единство въ свободѣ, свобода въ гармоніи ея проявленій*», согласно выраженію Ю. Ѳ. Самарина, въ его предисловіи къ III тому сочиненій Хомякова, братство полноправныхъ людей и народовъ, живущихъ свободною, самобытною жизнью—вотъ идеалъ, къ которому стремился душой Хомяковъ, въ который онъ вѣровалъ. Прибавимъ — это и нашъ идеалъ. Хомякову была дорога самобытная нравственная личность каждаго изъ народовъ, но дороже и ближе его сердцу была самобытность и полноправность каждаго изъ славянскихъ народовъ, какъ потому, что это—родственные намъ народы, такъ и потому, что это народы угнетенные, подавленные хищническими силами, стремящимися стереть съ лица земли ихъ самобытность, а съ нею, такъ сказать, и ихъ самихъ. Не только не исключалъ онъ изъ этого числа поляковъ, но глубоко соболѣзновалъ ихъ печальной участи, какъ сильно подпавшихъ вліянію чуждыхъ и враждебныхъ славянскому міру стихій. Онъ былъ увѣренъ, что придетъ

пора, когда съ воскресеніемъ самобытной, свободной русской жизни воскреснетъ и весь славянскій міръ, какъ *тѣсный братскій* союзъ равноправныхъ, свободныхъ братій славянской семьи, и въ этомъ союзѣ польскій народъ, стряхнувъ съ себя все недоброе, все чуждое его славянской природѣ, разрушившее его государство, вступитъ въ родную ему семью славянъ, какъ полноправный, высоко-даровитый, любящій и любимый братъ. Такое слово Хомякова, воодушевленное искреннимъ, сильнымъ чувствомъ, мы знаемъ не по слуху, а слышали его сами и оно глубоко запало намъ въ душу.

Придетъ пора: минетъ неправда, исчезнутъ искуственныя тенета, которыя стягиваютъ въ неестественное единство разнохарактерныя народности, заставляя ихъ жить чуждою ихъ индивидуальной природѣ жизнью, и откроется правда въ жизни человѣчества, какъ великой семьи объединенныхъ братскимъ союзомъ народовъ.

Скажутъ можетъ-быть: Все это такъ, но слишкомъ идеально. Это—утопія и, по меньшей мѣрѣ, крайне непрактично, а ужъ въ приложеніи къ свободѣ польскаго народа и политически-невозможно, и не желательно, какъ дѣло опасное, потому-то и потому, и т. д.

Но развѣ непрактичность идеальной истины въ смыслѣ немедленнаго осуществленія ея въ жизни разрушаетъ хоть на волосъ ея правду? Правда, неудовлетворимая въ данное время и при данныхъ условіяхъ, перестаетъ ли быть правдою и какъ таковая обязательною, и не должна ли управлять цѣлями дѣйствій человѣка?

И что можетъ быть непрактичнѣе идеала христіанина, по трудности воплощенія этого идеала въ жизнь? Этотъ идеалъ всецѣло въ заповѣди Христа: «будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ есть» и—«любите другъ друга любовію, какою Я возлюбилъ васъ». Выполнимо ли это? Развѣ можетъ человѣкъ любить любовію равносильною божественной любви? Развѣ можетъ онъ быть совершенъ, какъ Богъ? При такомъ словѣ Сына Божія всѣ практичные и искренніе люди должны бы были заткнуть уши и закричать: «Это—утопія, это непрактично!» Тѣмъ не менѣе обязательная правда этого идеала непреложнѣе и тверже всѣхъ основъ міра. Ею поставлена нравственная цѣль, къ которой долженъ стремиться человѣкъ всѣми силами своего духа, и такое стремленіе составляетъ все достоинство и всю красоту человѣческой жизни.

Обязательность нравственнаго идеала и практическая трудность осуществленія его—двѣ могущественныя силы, которыя ведутъ борьбу между собою и, стремясь овладѣть волею человѣка, разрываютъ ее, такъ сказать, на-двое. Стремленіе къ правдѣ, въ которой сущность природы духа, и сознаніе неудовлетворимости этой незаглушаемой жажды правды—страшная дилема.

Какъ рѣшаютъ ее?

Многіе поканчиваютъ дѣло сразу, съ дерзостью меча, разсѣкшаго Гордіевъ узелъ. «Невыполнимо требованіе нравственнаго идеала,—говорятъ они,—значитъ, идеалъ этотъ утопія, чуть-чуть не созданіе больнаго мозга, и обращаются къ нему спиной, а затѣмъ уже и весь идеальный міръ для нихъ становится юродствомъ. «Практика—вотъ моя религія,—продолжаютъ они;—требованіе минуты—вотъ руководящій голосъ; цѣль, къ которой тянетъ непосредственно осязаемый фактъ—вотъ мое божество», и въ честь этого божества безпощадно закалаютъ они множество человѣческихъ жертвъ. Но, позволимъ себѣ замѣтить, эта практическая цѣль, божество практики, пока она еще не достигнута, пока она еще не обратилась въ дѣйствительный фактъ,—еще только мыслится, въ своемъ родѣ еще идеальна, и, несмотря на всѣ разсчеты хитраго ума, можетъ не осуществиться, можетъ-быть даже и неосуществима,—въ нее еще вѣруется. Разница между практикомъ и тѣмъ, кого онъ называетъ утопистомъ,—въ различіи ихъ идеаловъ, въ различіи ихъ вѣрованій. И для рѣшительнаго практика существуетъ божество, но только почти всегда противуположное Богу чистой правды. Конечно, для практика, ставящаго себѣ временныя цѣли, не обращая вниманія, противорѣчатъ онѣ закону правды или нѣтъ, временный успѣхъ и довольство несравненно скорѣе обезпечены, чѣмъ для его противника; но за то и дѣло его, большею частію, эфемерно. При прогрессивномъ шествіи человѣчества къ воплощенію правды въ жизни, то, что̀ создано такимъ дѣломъ, или исчезаетъ совершенно съ лица земли, или остаются не безплодными только тѣ послѣдствія его, которыя, вопреки самому дѣлателю, служатъ къ воцаренію истины, отвергнутой имъ. Таковъ законъ и сила правды, положенные въ основы жизни.

Дѣятели этого разряда, по крайней мѣрѣ, имѣютъ за себя искренность ихъ убѣжденій и опредѣленностію характера своей дѣятельности образуютъ все-таки силу, которая заставляетъ ярче выступать нравственный идеалъ, отброшенный ими, и удесяте-

ряютъ, во всякомъ случаѣ, рано или поздно побѣдоносную энергію подвижниковъ чистой правды.

Но существуютъ другіе дѣятели, которые признаютъ, какъ имъ самимъ кажется, красоту и правду нравственнаго идеала, не отрицаютъ его обязательной силы; но только онъ для нихъ имѣетъ значеніе чисто-внѣшняго *закона*, установленнаго какою-то, внѣ ихъ существующею, властью, предъ которой они не смѣютъ не преклониться,—значеніе какого-то *предписанія*, откуда-то полученнаго. Они предъ нимъ благоговѣютъ и боятся не исполнить его приказаній, пока, впрочемъ, такое исполненіе на ихъ взглядъ возможно и, главное, удобно. При малѣйшемъ практическомъ затрудненіи, особенно когда внѣшній реальный фактъ, требующій иного, бросается имъ въ глаза, тѣснитъ ихъ со всѣхъ сторонъ, манитъ ихъ блескомъ успѣха или грозитъ карой за непокорность себѣ,— они безъ борьбы, быстро отступаютъ, ловко обходятъ повелѣнія нравственнаго закона и даже нерѣдко, надѣвъ личину служенія правдѣ, обманывая и себя и другихъ, рабски идутъ туда, куда влечетъ потокъ сплетеній всѣхъ случайностей дѣйствительности. Въ нихъ нѣтъ той внутренней силы, въ которой коренится нравственный идеалъ, столько же живой и реальный, какъ и всѣ прочія силы природы; въ нихъ нѣтъ той нравственной мощи, которую они могли бы противупоставить силамъ внѣшней жизни, овладѣть ими и направить ихъ къ нравственнымъ цѣлямъ. Это люди измѣны, низкаго слабодушія,—тѣ, про которыхъ говорится, что они «ни Богу—свѣчка, ни чорту—кочерга»; это люди безъ внутренней силы, безъ содержанія,—тѣ, про кого сказано въ книгѣ Откровенія: такъ какъ ты «ни теплъ, ни студенъ, изблевати ти отъ устъ моихъ имамъ» *).

Много званныхъ къ воздѣлыванію почвы жизни для насажденія въ ней правды, но мало избранныхъ. Только въ душѣ этихъ избранныхъ живетъ всецѣло нравственный идеалъ во всей своей чистотѣ, какъ внутренняя сила. Воплощаясь въ ихъ дѣятельности, она становится живою дѣйствительностью. Никакія внѣшнія препятствія, никакія страданія не въ силахъ истощить ихъ нравственной энергіи; они зорко видятъ всѣ возможности къ осуществленію живущей въ нихъ правды и усматриваютъ открытый путь для нея тамъ, гдѣ другія видятъ только препоны. Побѣжденные противодѣйствующими имъ силами на одномъ

*) Апок. глава Г, зач. ї.

пути, они открываютъ себѣ новый, расширяютъ его и успѣхомъ своимъ колеблютъ основанія даже тѣхъ препятствій, которыхъ не могли одолѣть на прежнемъ. Вѣрные до гробовой доски своему идеалу, не измѣнивъ ему ни на одно мгновеніе, они умираютъ добрыми подвижниками. Пусть не осилили они многаго, пусть издѣвается надъ ними самодовольная, близорукая практика, отказавшаяся отъ всякой правды, нагромоздившая множество ложныхъ боговъ,—ихъ дѣло не осталось безплоднымъ: неустанною, полною вѣры въ правду, дѣятельностію ихъ уже разбиты пьедесталы этихъ идоловъ и цѣлыя массы людей не сожигаютъ уже суевѣрныхъ жертвъ въ честь и славу этихъ ложныхъ, когда-то славимыхъ, божествъ. Пусть эти доблестные подвижники не окончили своего дѣла, но они приготовили поле для множества иныхъ и, можетъ-быть, болѣе ихъ сильныхъ дѣятелей, которыхъ энергія воспламенена ихъ духомъ и подвигомъ. Они—тѣ живыя силы, которыя уничтожаютъ противорѣчія между идеаломъ и дѣйствительностью. Въ энергіи дѣятельнаго стремленія ихъ къ недосягаемой правдѣ воплощается ея животворящая сила и въ личности человѣка, одушевленнаго нравственнымъ идеаломъ, живетъ она реальною жизнью. Это и передовые борцы за свободу личности человѣка и личности народной, безъ которыхъ немыслима никакая правда на землѣ; каждый шагъ ихъ въ этой борьбѣ — непремѣнная побѣда, какъ ни скрывалась бы она даже отъ ихъ собственныхъ взоровъ, и полный успѣхъ ихъ дѣла несомнѣненъ въ будущемъ. Причина тому проста и естественна: работа ихъ направлена къ тѣмъ же цѣлямъ, къ которымъ направлены и всѣ живыя силы человѣчества.

А. С. Хомяковъ принадлежалъ къ людямъ послѣдней категоріи: нравственный идеалъ, имъ исповѣданный, былъ для него живою, реальною силою. Онъ имъ жилъ и работалъ на него неутомимо всѣми силами своего ума и своего слова, вдохновляемый вѣрою въ окончательное торжество правды.

Была ли мечтою эта вѣра и несбыточными упованія ея?—Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ,—ходъ исторической жизни человѣческой оправдываетъ ихъ и утверждаетъ несомнѣнность реализаціи ихъ въ жизни человѣчества.

Въ нашей небольшой статейкѣ, имѣющей цѣлью только освѣтить, съ точки міросозерцанія Хомякова, его принципіальный взглядъ на то, какъ мы должны относиться къ польскому народу,—взглядъ, въ высшей степени намъ сочувственный,—мы не

будемъ слѣдить за развитіемъ жизни человѣчества, несомнѣнно идущей впередъ къ полнѣйшему раскрытію всего разнообразія силъ, заложенныхъ въ природѣ человѣка и въ природѣ различныхъ народовъ, и къ гармоніи ихъ свободныхъ творческихъ проявленій. Мы укажемъ только на то, что всѣ силы человѣчества въ его историческомъ развитіи устремлены на осуществленіе въ жизни того нравственнаго начала, которое съ такою яркостью выяснилъ Хомяковъ и которому служилъ онъ неизмѣнно своимъ словомъ.

Въ концѣ среднихъ вѣковъ право человѣка на свободу совѣсти и мысли и на свободное самоопредѣленіе было сознано и провозглашено и къ высвобожденію личности его отъ всѣхъ бытовыхъ формъ, стѣснявшихъ свободу человѣка и унаслѣдованныхъ отъ прежнихъ вѣковъ, устремились всѣ живыя силы западныхъ просвѣщенныхъ народовъ. Послѣ цѣлаго ряда политическихъ переворотовъ и могущественнѣйшаго изъ нихъ во Франціи, въ концѣ прошлаго столѣтія, свобода и неприкосновенность личности каждаго человѣка и равноправіе всѣхъ людей, къ какой бы національности они ни принадлежали, стали догмами передоваго человѣка. Но эти догмы, исходя изъ борьбы за свободу мысли, самаго космополитическаго элемента внутренней жизни человѣка, съ космополитическою же властію Римской церкви, и будучи результатами раціоналистическаго развитія человѣческаго сознанія, могли опредѣлить и опредѣлили личность человѣка въ ея космополитическомъ значеніи—и утвердили только юридическую, гражданскую полноправность и юридическую, гражданскую равноправность всѣхъ людей. При космополитическомъ пониманіи личности человѣка и государство получило космополитическій характеръ. Понятое въ этомъ смыслѣ государство, такъ сказать, уполномочивалось не признавать права на существованіе за тѣмъ, что̀ мы называемъ народностью, лишь бы были гарантированы имъ гражданская свобода и юридическое полноправіе его гражданъ. Для этой цѣли оно имѣло право не обращать вниманія на голоса различныхъ народностей, замежеванныхъ въ предѣлы одного и того же государства, требовавшихъ правъ на индивидуальное, самобытное самоопредѣленіе. Космополитическія государства могли, вступая другъ съ другомъ въ соглашеніе, опредѣлять свои границы, не соображаясь съ желаніями народовъ, и разрѣзывать живые организмы этихъ народовъ, руководясь иными соображеніями.

Но личность человѣка не исчерпывается космополитическою стороною ея жизни,—она имѣетъ плоть и кровь и одарена инди-

видуальною самобытностью и творческими силами, отмѣченными опредѣленнымъ, общимъ имъ характеромъ. Ей недостаточно только огражденія ея отвлеченно-человѣческихъ правъ,—для нея необходима нравственная возможность и матеріальная обезпеченность прилагать присущія ей живыя силы къ дѣлу, направлять ихъ къ ея индивидуальнымъ цѣлямъ и пользоваться всѣми плодами своихъ трудовъ. Человѣкъ есть индивидуально-творческая разумная сила; она вся въ его трудѣ. Матеріальный или духовный трудъ человѣка и результаты, плоды этого труда, суть воплощенія нравственной личности человѣка. Поэтому гарантія правъ человѣка на свободу труда и на средства трудиться во всю полноту своихъ индивидуальныхъ силъ и гарантія правъ его на плоды его труда составляютъ обезпеченіе для него возможности пользоваться не только законною свободою полноправнаго гражданина государства, но и человѣка вообще.

Но живая личность человѣка не можетъ оставаться равнодушною къ той средѣ людей, въ которой онъ живетъ и дѣйствуетъ, немыслима внѣ ея. Она можетъ развить свои силы во всю ихъ полноту только среди родственныхъ ей по характеру нравственныхъ силъ, среди людей сочувствующихъ ей и съ нею гармонирующихъ, въ средѣ народности, къ которой она принадлежитъ. Право на неприкосновенность живой личности человѣка необходимо влечетъ за собою право на неприкосновенность и живой личности народа, съ которымъ она органически связана.

Право человѣка на обезпеченность свободнаго труда и право народа на самоопредѣленіе, согласно своимъ народнымъ стихіямъ, соединены неразрывно.

Самоопредѣленіе личности человѣка въ свободѣ самостоятельнаго, обезпеченнаго труда и самоопредѣленіе личности народной въ свободѣ развитія своихъ индивидуальныхъ стихій—вотъ два требованія, которыя владычно поставлены живыми силами человѣчества на современной ступени его развитія. Отъ выполненія ихъ нѣтъ возможности уклоняться въ наше время въ дѣлѣ прочнаго устроенія жизни народной, ибо все, что противорѣчитъ имъ, рано или поздно рушится неминуемо.

Къ удовлетворенію перваго требованія направлены всѣ стремленія и движенія, называемыя соціальными, и положительныя и отрицательныя, и созидательныя и разрушительныя. О нихъ мы не будемъ здѣсь упоминать, но остановимся на второмъ требованіи.

Право народовъ на индивидуальное, свободное, самобытное самоопредѣленіе, въ наше время, не есть уже только выводъ какой-нибудь отвлеченной теоріи, не составляетъ предмета неосуществимыхъ мечтаній, а частію уже стало живымъ фактомъ. Оно не есть только, не имѣющая для себя никакой правовой опоры, цѣль стремленій народностей, у которыхъ отнята возможность жить самостоятельною, свободною жизнью, но уже стало правомъ, признаннымъ вообще въ принципѣ международными актами, которыми, на основаніи общей подачи голосовъ, создано государство Италіи, соединены воедино Придунайскія княжества и т. д. Принципомъ народности руководились государства Европы при рѣшеніи народныхъ и международныхъ вопросовъ съ 1850 до 1871 г., до той поры, когда торжествующій германскій князь, послѣ побѣднаго торжества надъ Франціей, объявилъ, что верховными судьями народовъ и строителями государствъ должны быть, какъ и въ средніе вѣка, желѣзо и кровь, а право—на остріи меча.

Пусть мечтаетъ Германія, что можетъ возобновить и упрочить этотъ обветшалый и ненавистный для XIX вѣка принципъ, и въ политикѣ слѣдуетъ системѣ насильственныхъ захватовъ для упроченія гегемоніи германскаго племени надъ сосѣдними слабыми славянскими народностями и гегемоніи Пруссіи надъ всѣмъ нѣмецкимъ племенемъ,—Пруссіи, владѣвшей до того времени преимущественно не нѣмецкою почвой, а польской, и господствовавшей надъ народомъ, составленнымъ, въ огромной массѣ, изъ элементовъ не нѣмецкаго происхожденія. Дѣло Германіи непрочно,—она скопляетъ на головы своихъ народовъ громы исторической Немезиды. Нельзя пятить человѣчество назадъ. Сознаніе народовъ, угнетенныхъ чужеземнымъ игомъ, уже окрѣпло и набирается силъ, а энергія ихъ растетъ не по днямъ, а по часамъ.

Намъ ли, русскимъ, идти по слѣдамъ этой запоздалой политики, утверждающей свою силу на заговорѣ противъ народовъ, насиліи, коварствѣ, да на пушкахъ и штыкахъ? Всякій шагъ нашъ на этомъ пути приноситъ неисчислимыя выгоды врагамъ нашимъ, а намъ и славянству—одно зло, обливаетъ наше сердце горечью сожалѣнія о безплодности совершенныхъ нами подвиговъ, вырываетъ изъ рукъ нашихъ лучшіе плоды понесенныхъ нами великихъ трудовъ. Какая была намъ польза, напр., отъ знаменитаго, такъ-называемаго, священнаго союза?—Онъ сдѣлалъ насъ жертвою политики Меттерниха, отдавъ въ плѣнъ и на службу Германіи, и связалъ насъ по рукамъ и ногамъ....

Пусть трепещутъ передъ принципомъ національности, какъ принципомъ революціоннымъ, потрясающимъ основы ихъ государственной жизни, такія государства, какъ Австрія и Турція, и такія, которыхъ крѣпость и величіе основаны на насильственныхъ захватахъ и примучиваніи народностей, сознавшихъ свое право на самобытную самостоятельность,—принципъ этотъ для Россіи не только не заключаетъ въ себѣ ничего революціоннаго, разрушительнаго, но, твердо проведенный ею въ ея внутренней и внѣшней политикѣ, служитъ залогомъ и условіемъ ея внутренняго спокойствія, внѣшней силы и величія. Понятіе о революціонности политическаго принципа—относительное понятіе. Принципъ монархическій—консервативный принципъ для Европы и революціонный для республики Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и наоборотъ.

Русскому ли государству, крѣпкому преимущественно внутреннимъ единствомъ многомилліоннаго русскаго народа, широко раскинувшагося по обширной своей территоріи, бояться внутреннихъ бурь, порождаемыхъ принципомъ національности въ политикѣ? Откуда возьмутся такія бури? Не отъ сепаратистскихъ ли (да и слово-то это не русское) стремленій литовскихъ племенъ, находящихся подъ игомъ польской богатой шляхты, или племенъ финскихъ, подъ игомъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ по происхожденію бароновъ и бюргеровъ, когда эти племена только и думаютъ о томъ, чтобъ освободиться изъ-подъ такихъ властелиновъ и всѣми своими нравственными силами тяготѣютъ къ русскому народу?

А Польша?... Развѣ не жива въ польскомъ народѣ память объ утраченной имъ самостоятельности, развѣ не стремится онъ къ возстановленію своего государства?—Конечно, такъ, и не можетъ быть иначе. Но мы утверждаемъ и объяснимъ немного ниже, что частію отъ самихъ насъ зависитъ—эти, во всякомъ случаѣ честныя, стремленія обратить изъ враждебныхъ къ намъ въ дружественныя. Мы, не обинуясь, называемъ эти стремленія честными: не почли ли бы мы нашею доблестью чувствовать то же, что чувствуетъ теперь полякъ, и стремиться къ тому же, къ чему стремится онъ, еслибы насъ постигла та же участь, какая постигла польскій народъ?... Жаль, если найдутся русскіе, которымъ нужно объяснять такую азбучную истину нравственности и справедливости.

Допустивъ, что все сказанное нами выше справедливо, въ чемъ мы не сомнѣваемся, Россія можетъ, приготовясь какъ слѣдуетъ, устроивъ умною, осторожною, дальновидною политикою возможность къ тому и удобство и улучивъ благопріятную минуту,—смѣ-

ло поднять знамя народности въ международной политикѣ. Такая политика пойдетъ по тому направленію, по которому движутся, возрастая въ могуществѣ, всѣ живыя силы человѣчества, стремящіяся разрушить и на самомъ дѣлѣ разрушающія всѣ искуственныя тенета, которыми онѣ опутаны. Успѣхъ такой политики несомнѣненъ. Подъ ея знамя соберутся всѣ чаянія, всѣ упованія угнетенныхъ народностей; она найдетъ себѣ массы друзей и во враждебныхъ ей государствахъ; ее окружатъ почетъ и сочувствіе всѣхъ лучшихъ, благородныхъ умовъ Европы, къ какой бы они народности ни принадлежали. Ей на помощь готовы силы тѣхъ угнетенныхъ чужеплеменнымъ игомъ народностей, которыя ждутъ только средоточной, могущественной силы, на которую могли бы онѣ опереться, чтобы возстать на враговъ, желающихъ подавить и стереть ихъ народную самобытную личность.

Такая политика опасна и разрушительна, повторяемъ, для тѣхъ только государствъ, которыхъ основы затрещатъ отъ нея, и созидательна для Россіи. При торжествѣ и побѣдѣ принципа этой политики, если только онъ будетъ проведенъ *безкорыстно*, *честно*, безъ всякихъ посторонннихъ затаенныхъ цѣлей, противорѣчащихъ ему, откроется и воскреснетъ къ самобытной и самостоятельной жизни цѣлый новый міръ славянскихъ народовъ,—міръ, закаленный въ борьбѣ и укрѣпившій ею свое народное сознаніе. Весь этотъ воскресшій міръ неминуемо окружитъ насъ своею любовью и соединится съ нами въ братскій тѣсный союзъ, уже по одному тому, что только опираясь на силы русскаго народа, этого могущественнаго брата своего, можетъ онъ охранить отъ враговъ свои слабыя силы, развить ихъ и укрѣпить во всю ихъ ширь. Изъ дружной нравственной работы славянскихъ народовъ, братски соединившихъ свои силы, возстанетъ и разовьется собирательная общеславянская личность, новая, взлелеянная страданіями, воспитанная и укрѣпленная честною борьбой, нравственная, живая сила въ человѣчествѣ.

Уклонится ли русскій народъ отъ великаго призванія, на которое указываютъ ему условія, созданныя для него историческими судьбами народовъ?

Русскому ли народу, очистясь отъ грѣховъ, наложенныхъ на него ходомъ его исторіи и еще лежащихъ на немъ, не взойти на высшую ступень надеждъ современнаго человѣчества, не встать во главѣ чаяній угнетенныхъ чужеземнымъ игомъ народностей

и не быть въ передовыхъ рядахъ двигателей человѣчества къ осуществленію высокихъ нравственныхъ цѣлей?

Мы сказали: «очистись отъ грѣховъ», и настаиваемъ на этомъ, ибо только достойному выпадаетъ славный жребій стать живою силой въ нравственномъ движеніи всего человѣчества къ великой его цѣли. Объ этомъ свидѣтельствуетъ вся исторія человѣчества.

Достойны ли мы такого призванія, готовы ли мы на такое дѣло?

Мы не будемъ здѣсь отвѣчать на этотъ сложный вопросъ; замѣтимъ только: великія нравственныя дѣла совершаетъ лишь тотъ народъ, который силенъ разумѣніемъ, богатъ энергіей, доблестенъ, самостоятеленъ и свободенъ въ своихъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ.

Знамя народности въ международныхъ вопросахъ вызоветъ, конечно, энергическихъ противниковъ себѣ. Но за этимъ знаменемъ — нравственная сила, которая удесятеряетъ матеріальное могущество представителей и защитниковъ его; она есть сила созидающая, консервативная для нихъ, но революціонная для ихъ противниковъ, изъ-подъ ига которыхъ рвутся освободиться народности, угнетенныя ими, ожидая только минуты и случая сбросить съ себя это иго. Но эта великая сила всецѣло основывается на довѣріи къ тому, кто облекается въ оружіе освободителя, на вѣрѣ не столько въ его матеріальное имущество, сколько въ безкорыстіе и честность его цѣлей и слова, въ непоколебимую его устойчивость на избранномъ имъ пути.

Россія, ходомъ историческихъ судебъ, волей-неволей поставлена на этотъ путь: ее все болѣе и болѣе облегаютъ и съ запада и съ юга черныя, грозныя тучи, готовыя разразиться надъ славянскимъ міромъ; натягиваются тяжелыя цѣпи исконными врагами славянскихъ народовъ, въ которыхъ должны изнемочь послѣдніе и задохнуться отъ тяжкаго гнета надъ ними и въ которыхъ, мечтаютъ, должна подорваться и мощь русскаго народа, опутанная и стиснутая съ разныхъ сторонъ. Можетъ, затѣвается и худшее, злѣйшее дѣло: замышляются, съ распространеніемъ владычества и вліянія Австріи на Балканскомъ полуостровѣ, съ насильственнымъ распространеніемъ и усиленіемъ, какъ тамъ, такъ и въ средѣ австрійскихъ православныхъ славянъ, католичества и съ созданіемъ великой католической славянской державы,—раздѣленіе всего славянскаго міра на двѣ безпощадно-враждебныя другъ другу половины и братоубійственная борьба ихъ между собою, разожжен-

ная религіознымъ фанатизмомъ,—борьба неукротимая, безъисходная, поддержанная пушками и штыками другихъ западныхъ государствъ, распаленныхъ адскими, хищническими своими инстинктами... Слѣпой только этого не видитъ.

Время приспѣваетъ страшное. Одинъ исходъ—поднятіе знамени народности въ политикѣ и увѣренность всѣхъ въ полной искренности, безкорыстности и честности съ нашей стороны въ этомъ отношеніи,— въ политикѣ, неуклонно при этомъ направленной къ освобожденію славянскихъ народовъ, такой, которая была бы для нихъ залогомъ дѣйствительной свободы ихъ послѣ ихъ освобожденія.

Пользуемся ли мы такимъ довѣріемъ, можемъ ли мы имъ пользоваться, еслибы наша политика и пошла такимъ путемъ?

Россія велика силами, — вела нѣсколько освободительныхъ войнъ и окончила ихъ съ успѣхомъ, и не только безъ корысти, но даже съ ущербомъ для себя. Несмотря на это, полнаго довѣрія къ намъ, надо это признать, нѣтъ; причинъ тому не мало. Не говоря о всѣхъ ихъ, укажемъ только на двѣ — на наше внутреннее настроеніе и на польскій вопросъ. Не останавливаясь на первомъ, обратимъ вниманіе читателя на послѣднее, на польскій вопросъ.

Польскій вопросъ — ахиллесова пята въ нашей внутренней и нашей внѣшней политикѣ. Въ нашемъ международномъ положеніи, въ вопросѣ о нашемъ государственномъ могуществѣ этотъ вопросъ бросаетъ насъ въ руки враговъ нашихъ и всего славянства, подчиняетъ нашу политику ихъ политикѣ, заставляетъ насъ идти вслѣдъ ихъ побѣдной колесницы, вырываетъ у нашего народа лучшіе плоды его честныхъ, освободительныхъ подвиговъ.

Польскій вопросъ туманитъ и мутитъ не мало русскихъ умовъ, заставляя ихъ, въ подражаніе нѣмцамъ, призывать русскій народъ и даже приступать къ дѣлу несвойственному русской природѣ,—совершать упорно, систематически, хладнокровно одно изъ величайшихъ злодѣяній, насильственно уничтожать нравственную личность, индивидуальность другаго народа, его душу,—насильственно *русить* поляковъ. А къ этому взывали нѣкоторые публицисты, распаленные государственнымъ и въ то же время какимъ-то инквизиціоннымъ жаромъ, вѣруя единственно въ насиліе, какъ въ нѣкое божество, способное что-то творить. За этими публицистами, съ ихъ голоса, вопили то же самое многіе,

большею частію, безсознательно. Всѣмъ этимъ господамъ можно сказать: не знаете вы, какого вы духа или, точнѣе, какого народа вы дѣти. Духъ русскаго народа, хотя и незамѣтно для васъ самихъ, живетъ въ васъ, а русскій народъ по преимуществу человѣченъ. Человѣчность — основная черта его характера, его души: онъ не рукоплещетъ казни какихъ бы ни было преступниковъ; онъ не переноситъ хладнокровно зрѣлища страданій; онъ—великій христіанинъ въ глубинѣ своихъ инстинктовъ. Онъ измѣняетъ этому свойству своей природы только въ минуты особенно страстныхъ порывовъ своей души. Русскій человѣкъ одаренъ прекрасною, честною неспособностью сознательно, преднамѣренно, систематически губить, стирать чужую нравственную личность, и вы сами, господа, на себѣ доказали послѣднее.

Польскій вопросъ вызываетъ оскорбительныя угрозы намъ со стороны всѣхъ, кто только найдетъ нужнымъ насъ пугнуть, заставляетъ насъ смущаться демонстраціями и затѣями клерикаловъ, польскихъ магнатовъ, отрѣшенныхъ исторіей отъ своего народа и одуренныхъ происками іезуитской внутренней политики Австріи, которая манитъ ихъ запоздалой, несбыточной надеждой стать во главѣ западнаго славянскаго міра и тамъ обрѣсти то, что потеряли въ своемъ отечествѣ; наконецъ, польскій вопросъ, кривя нашу народную совѣсть, подрываетъ довѣріе многихъ изъ родственныхъ намъ славянъ, видящихъ въ насъ союзниковъ ихъ враговъ и, будто бы, безпощадныхъ угнетателей одного изъ славянскихъ народовъ. Вопросъ польскій долженъ быть рѣшенъ, во что бы то ни стало, радикально; къ такому рѣшенію должно быть приступлено немедля и это рѣшеніе должно быть, по возможности, таково, чтобы никто не могъ произвольно и ложно истолковать его смыслъ.

Конечно, рѣшеніе этого вопроса, изложенное Хомяковымъ въ его письмѣ, напечатанномъ нами, можетъ-быть возможное въ то время, когда оно писалось, немыслимо въ настоящую минуту. Мы и печатали это письмо не съ цѣлью предлагать подобное рѣшеніе, но съ цѣлью выяснить принципіальный взглядъ Хомякова на то, какъ должна относиться Россія къ Польшѣ.

Польскій вопросъ можетъ быть рѣшенъ троякимъ образомъ. Необходимо: или 1) уничтожить польскую народность такъ, чтобы въ польскомъ народѣ не осталось и слѣда чего-нибудь польскаго; или 2) возстановить государство польское, отдѣливъ его отъ

Россіи; или 3) охранивъ, по возможности, польскую народность отъ всѣхъ разлагающихъ ее вліяній, привлечь къ намъ надежду и любовь польскаго народа.

Первое—невозможно по существу и по внѣшнимъ условіямъ. Нѣтъ возможности ни отнять у польскаго народа память о былomъ, ни вытѣснить его съ польской почвы въ Привислянскомъ краѣ заселеніемъ ея русскими, ни отдать все, такъ-называемое, царство Польское или часть его нѣмцамъ, что, кажется, и замышляли разные наши близорукіе политики-патріоты. Отдать Германіи часть русской Польши значило бы усилить врага славянъ и дать ему возможность ворваться въ предѣлы Россіи и укрѣпиться на почвѣ, теперь намъ принадлежащей.

Второе—невозможно теперь для насъ и гибельно для польскаго народа. Государство польское сдѣлалось бы въ скоромъ времени добычей сперва хищныхъ похотей магнатовъ польскихъ,—похотей, погубившихъ старую Польшу,—вмѣстѣ съ тѣмъ іезуитской Австріи, а потомъ и нѣмцевъ.

Возможно и должно быть всѣми мѣрами приведено въ исполненіе *третье*. Освобожденное нами польское крестьянство—такъ-называемое на языкѣ польскихъ аристократовъ и польской шляхты быдло—за насъ, нашъ другъ теперь; отъ насъ, русскихъ, зависитъ закрѣпить эту дружбу прочно. Торговое сословіе, какъ слышно, довольно послѣднимъ-тарифомъ и, значительно разбогатѣвъ въ послѣднее время, при дальнѣйшемъ покровительствѣ съ нашей стороны его интересамъ, не отдѣлитъ ихъ отъ нашихъ, если не будетъ оскорбляемо въ своемъ національномъ чувствѣ. То же можно сказать вообще и о городскомъ, ремесленномъ населеніи, при покровительствѣ съ нашей стороны его выгодамъ. Въ нашъ практическій вѣкъ, когда экономическія выгоды впереди всего, не могутъ эти практически трудящіеся люди увлечься никакими мечтами, какъ бы очаровательны эти мечты ни были.

Что касается такъ называемой интеллигенціи польской, то замѣтно въ ней несомнѣнное желаніе сблизиться съ нами, оставя всякія несбыточныя, по существу своему, мечты о когда-то бывшихъ историческихъ границахъ. Она понимаетъ положеніе Польши въ сосѣдствѣ съ могущественною Германіей. Ни одинъ привислянскій полякъ, сколько намъ извѣстно, не принялъ участія въ празднованіи пятидесятилѣтія польской революціи. Нѣкоторые органы польской печати и краковская историческая школа смот-

рятъ на польскій вопросъ трезво. Эти представители польской мысли не живутъ, навсегда погребенными, иллюзіями, коренящимися въ преданіяхъ старины, но, оставаясь на реальной почвѣ, уже хорошо видятъ, откуда—конечная гибель польской народности. Много поляковъ и не только въ нашей Польшѣ, но и въ Австріи, какъ видно изъ весьма важной, по своему содержанію, брошюры Петрашевскаго, къ сожалѣнію, почти неизвѣстной русской публикѣ, отлично ясно понимаютъ, чѣмъ имъ грозитъ Германія. Десятки тысячъ такихъ поляковъ образуютъ общество, имѣющее цѣлью сближеніе поляковъ съ Россіей и защиту польской національности отъ замысловъ Германіи*). Засѣданія этихъ обществъ происходятъ и у насъ въ Россіи. Члены ихъ убѣждены, что въ предѣлахъ Россіи польскій народъ скорѣе можетъ сохранить свою національность. Такъ, въ одномъ изъ засѣданій такого общества, бывшемъ 14 августа 1879 года, было постановлено о необходимости оставаться подъ гегемоніей Россіи и отдѣлясь отъ партій держащихся противнаго мнѣнія, склонять ихъ на свою сторону. А католицизмъ поляковъ и духъ католической невѣротерпимости?... Но поляки молодаго поколѣнія воспитались въ совершенно другомъ духѣ и значеніе католицизма совершенно падаетъ или даже совсѣмъ упало въ своемъ значеніи для нихъ. Они католичествуютъ не ради католицизма, а потому, что считаютъ его, между прочимъ, знаменемъ, вокругъ котораго собираются національныя польскія стремленія, и какъ бы щитомъ, защитою отъ пугающихъ ихъ, какъ призракъ или кошемаръ, сильныхъ, будто бы, стремленій русскихъ къ національному обезличиванію Польши. Объ этомъ свидѣтельствуютъ почти всѣ знающіе польское новое поколѣніе.

Не будетъ ли лежать на насъ тяжелый грѣхъ передъ всѣмъ славянскимъ міромъ и передъ нами самими, если мы, не изучивъ безпристрастно современнаго состоянія польскаго общества и народа, не выработавъ трезваго взгляда на польскій вопросъ, небрежно отнесемся къ этимъ зародившимся началамъ сближенія съ нами роднаго намъ славянскаго народа и отвернемся отъ нихъ, оттолкнувъ, протягиваемыя къ намъ, руки нашихъ братьевъ, изнывающихъ въ тоскѣ? Раздоръ съ польскимъ народомъ грозитъ бѣдами всему славянскому міру и тяжкими послѣдствіями для

*) Брошюра Петрашевскаго: «Посланіе къ французскимъ и славянскимъ историкамъ, публицистамъ, политикамъ и литераторамъ», неизвѣстная многимъ изъ нашего общества, и болѣе распространенная брошюра Шигарина: «Что нужно для нашего сближенія съ поляками».

русскаго народа. Неужели не подадимъ братской руки братскому народу, потерявшему спокойствіе ума отъ страшной судьбы, постигшей его отчизну, мечущемуся какъ больной въ своей постелѣ, когда видимъ признакъ, что онъ желаетъ мириться съ нами?

Мы не только не имѣемъ нравственнаго права отвернуться отъ такого желанія, но должны идти ему на встрѣчу, вызывать его всѣми возможными для насъ способами. Мы торжествуемъ и во власти, а поляки подавлены и унижены судьбою. Легче побѣдителю протянуть руку побѣжденному, чѣмъ послѣднему—первому. Высокомѣріе въ торжествующемъ побѣдителѣ ненавистно и презрѣнно; но честна благородная гордость въ побѣжденномъ. Слѣдуетъ принять въ разсчетъ и природу поляка, и его положеніе. Онъ запальчивъ и способенъ къ сильнымъ увлеченіямъ, за которыя и расплатился тяжко, а несказанное горе видѣть отчизну на краю конечной гибели надломило его нравственныя силы и сдѣлало его раздражительнымъ и крайне щекотливымъ. Надо щадить благородную гордость поляка своею національностью—единственное для него утѣшеніе въ его безпримѣрномъ несчастіи. Для этого нѣтъ надобности въ особомъ великодушіи,—достаточно простаго человѣческаго чувства. Да будутъ прокляты тѣ, русскіе ли, поляки ли, которые раздуваютъ или вызываютъ въ насъ высокомѣрныя, враждебныя чувства въ отношеніи родственнаго намъ и побѣжденнаго народа, разжигаютъ злобу двухъ родственныхъ племенъ и мѣшаютъ дѣлу ихъ примиренія, смѣшивая во едино всѣхъ поляковъ галиційскихъ, всѣ партіи польскія и даже такихъ съумасшедшихъ, какъ авторъ брошюры «Польши и Габсбурга», о которой говоритъ г. Шигаринъ въ упомянутой нами брошюрѣ: «Что нужно для нашего сближенія съ поляками». Мы, конечно, далеки отъ того, чтобы совѣтовать—опрометчиво питать разныя несбыточныя мечты польщизны вообще, а особенно несогласимыя съ спокойствіемъ, крѣпостью и пользами нашего государства: такіе замыслы встрѣтятъ и съ нашей стороны, само собою разумѣется, энергическій отпоръ. Мы утверждаемъ только, что *та часть Польши, которая замежевана въ границы Россіи, должна оставаться въ этихъ границахъ, подъ властью русскаго государства; но, при этомъ, польская народность, въ предѣлахъ ея этнографическаго распредѣленія, должна пользоваться полною неприкосновенностью ея національности и свободы ея духовнаго и бытоваго творчества и развитія. Само собою разумѣется, что всякія попытки, откуда бы онѣ ни исходили, ополячивать людей не*

польскаго происхожденія должны быть пресѣкаемы въ самомъ ихъ началѣ. Такимъ образомъ, подъ охраною русской власти, часть польской народности, взятая нами подъ нашъ *временный интердиктъ*, какъ выражается Хомяковъ, соблюдется ко дню, когда воскреснетъ славянскій міръ къ самостоятельной, обезпеченной въ своей свободѣ, жизни, когда настанетъ пора, независимой государственной жизни для Польши. Мы передадимъ тогда польскій народъ въ семью славянскихъ народовъ, какъ охраненнаго нами, здороваго, примиреннаго со всѣми, высоко даровитаго, полноправнаго, великаго ихъ и нашего брата.

Что таковы наши желанія, намѣренія и цѣль, въ томъ необходимо увѣрить поляковъ, которыхъ недовѣріе къ намъ понятно, увѣрить и весь славянскій міръ рядомъ государственныхъ актовъ, гарантирующихъ для польскаго народа, въ его этнографическихъ предѣлахъ, неприкосновенность свободнаго развитія его національныхъ элементовъ и предоставляющихъ ему самоуправленіе, не противорѣчащее его разумнымъ желаніямъ и совмѣстное съ государственнымъ строемъ Россіи.

Но въ основаніе такого дѣла должно положить безпристрастную разработку всѣхъ подробностей польскаго вопроса. Необходимо съ возможною точностью познакомиться со всѣми польскими партіями, вполнѣ узнать, что онѣ думаютъ, какія политическія теоріи создали онѣ для себя. Такихъ партій нѣсколько. Г. Шигаринъ въ своей брошюрѣ говоритъ, что каждая изъ нихъ имѣетъ особенные оттѣнки, зависящіе отъ различныхъ мѣстностей. Привислянскіе, сѣверо-западные и юго-западные поляки представляютъ собою три совершенно различныхъ видоположенія. Близкое знакомство со всѣми этими партіями выяснитъ состояніе вопроса о примиреніи, а взаимный обмѣнъ мыслей съ ними разсѣетъ много тумановъ, предразсудковъ, гибельныхъ иллюзій и избавитъ отъ многихъ недоразумѣній и ошибочныхъ дѣйствій съ нашей и ихъ стороны.

Затѣмъ мы должны будемъ подать руку на общее дѣло тѣмъ изъ польскихъ партій, которыя поняли подобно той, представители которой собирались 14 августа 1879 г. въ Вильно, необходимость остаться подъ гегемоніей Россіи, и вмѣстѣ съ ними дружно вступить въ литературную борьбу съ ихъ и нашими противниками, если только откроется на то возможность безъ всякихъ опасеній для нихъ и на условіяхъ достаточной свободы слова.

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ безотлагательно приступить къ этому, въ предѣлахъ, конечно, возможнаго. Пора намъ и полякамъ устранять отъ себя тяжелыя воспомпнанія о кровавыхъ временахъ ожесточенной борьбы и покончить съ взаимными обидами, клеветами, взаимными раздраженіями и озлобленіями, — общій врагъ нашъ у воротъ.

Спокойнымъ, честнымъ, проникнутымъ чувствомъ уваженія другъ къ другу, объясненіямъ русскихъ съ поляками, — объясненіямъ, способнымъ привесть къ взаимному ихъ примиренію, — открываемъ мы страницы нашего журнала.

Ред.

III.

Нѣчто о русско-польскомъ вопросѣ въ нашей журналистикѣ.

Suum cuique.

За послѣднее время все чаще и чаще стали встрѣчаться въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ статьи по такъ-называемому «польскому вопросу», но во всей этой «литературѣ» весьма мало такого, на чемъ стоило бы остановиться, и дѣло, которое берутся объяснить всѣ эти статьи, впередъ не подвигается ни на шагъ. А дѣло-то такого рода, что имъ, право, необходимо заняться серьезно.

Стала именно съ нѣкоторыхъ поръ носиться въ воздухѣ мысль о необходимости примиренія, сближенія двухъ славянскихъ народностей, которыя судьбою принуждены жить вмѣстѣ и только проигрываютъ отъ той вражды, съ какою до сихъ поръ одна къ другой относились. По этому-то поводу и возникла вся эта газетная литература, но выходитъ какъ разъ такъ, что люди, наиболѣе способные содѣйствовать примиренію, большею частью молчатъ, а на сцену выступаютъ чаще всего люди, ставящіе себѣ задачей доказывать, что примиреніе невозможно, или предлагающіе такія условія для этого примиренія, которыя ясно свидѣтельствуютъ только о нежеланіи этихъ людей идти на дѣйствительное сближеніе съ поляками. Мы, русскіе, слишкомъ мало вообще знаемъ Польшу и поляковъ прежнихъ и теперешнихъ, чтобы безъ предварительной подготовки рѣшать столь сложный вопросъ, какимъ является вопросъ польскій,—и рѣшать его въ смыслѣ умиротворенія, сближенія,—и потому большею частью молчимъ, не зная, что̀ сказать, когда принципіально и сочувствуемъ этому

стремленію и когда бы даже желали всѣмъ сердцемъ рѣшенія вопроса въ смыслѣ тѣснѣйшей дружбы съ поляками,—вотъ и говорятъ за насъ такіе люди, которые относятся съ какою-то стихійною ненавистью ко всему польскому. Для враждебныхъ или недовѣрчивыхъ рѣчей матеріалъ всегда готовъ подъ руками; довольно нѣсколько общихъ мѣстъ объ историческомъ характерѣ польской шляхты и польскихъ ксендзовъ, да нѣсколько соображеній насчетъ того, сколько-де намъ зла надѣлали поляки,—и пойдутъ тутъ ссылки на 1612, 1812, 1830, 1863 гг., а какъ самый убѣдительный аргументъ—приберегаются двѣ-три выписки изъ крайнихъ польскихъ газетъ заграничныхъ, ругающихъ Россію. И пойдутъ статьи съ припѣвами, если не *vae victis*, то *caveant consules*,—статьи, которымъ въ пріемѣ не отказываютъ ни *Московскія Вѣдомости*, ни *Новое Время*, ни *Кіевлянинъ*, ни покойные *Берегъ* съ *Россіей* и т. п. *Caveant consules!* — восклицаетъ, напримѣръ, *Кіевлянинъ*,—держите ухо востро, не поддавайтесь полякамъ, приходящимъ къ вамъ съ словами мира. *Caveant consules*!—вторитъ ему *Новое Время* (№ 1756), усматривающее лихія козни въ «обращеніи польскихъ демократовъ (здѣсь *Новое Время* ставитъ въ скобкахъ «знаки ?!) къ свободномыслящимъ россіянамъ», выискавшее гдѣ-то «недвусмысленныя угрозы новымъ возстаніемъ Польши», посылающее по извѣстному адресу «неугомонный польскій духъ.... маленькихъ польскихъ хвастуновъ» и заключающее свои разсужденія такою тирадой: «настолько у насъ гордости и силы хватитъ, чтобы имѣть право сказать этимъ союзникамъ: убирайтесь прочь!» Задоръ, нетерпимость, самомнѣніе — необходимая принадлежность такихъ статей, которыя не могутъ обойтись безъ *латинства*, вмѣсто общепринятаго *католицизма*, и которыя, лишь дѣло заходитъ о польскихъ революціяхъ или возстаніяхъ, сейчасъ же деградируютъ ихъ на степень простыхъ *бунтовъ*. Понятно, что чтеніе подобныхъ литературныхъ упражненій не особенно можетъ расположить поляковъ къ примиренію съ нами: тѣмъ изъ нихъ, которые склонны къ сближенію, остается молчать, а ихъ непримиримые тычутъ намъ въ глаза статьями нашихъ публицистовъ.

Но я не къ тому повелъ свою рѣчь. Я ставлю другой вопросъ: насколько именно вѣрно представляютъ намъ самое дѣло авторы подобныхъ статей,— другими словами, знаютъ ли они тѣ въ дѣйствительности нынѣ существующія отношенія, которыя прежде всего необходимо принимать въ разсчетъ при

рѣшеніи нашего вопроса? На это, я полагаю, мы въ правѣ отвѣтить только отрицательно.

Я думаю прежде всего, что въ статьяхъ о русско-польскомъ вопросѣ рѣчь должна идти почти исключительно о полякахъ, живущихъ въ Россіи вообще и въ частности въ той части этнографической Польши, которая соединена съ Россіей, т. е. въ царствѣ Польскомъ (которое наши полонофаги упорно называютъ всегда и вездѣ Привисляискимъ краемъ и иначе называть не хотятъ). О нихъ-то какъ разъ менѣе всего говорятъ наши публицисты, гораздо охотнѣе повѣствуя о томъ, что творится въ Галиціи, благо она доставляетъ достаточное количество матеріала, удобнаго для писанія на тему о непримиреніи. Задумали поляки праздновать въ Краковѣ юбилей Крашевскаго,—раздается въ извѣстной части нашей прессы: *caveant consules!* Устроили галицкіе поляки рядъ овацій пріѣхавшему въ Галицію австрійскому императору,—опять готово *caveant consules!* Собрались они и познанчики почтить своихъ героевъ 1830 г. въ пятидесятилѣтнюю годовщину повстанія,—снова и снова все то же *caveant consules!* Нѣтъ спора, что нѣкоторыя изъ этихъ событій такъ или иначе могутъ вліять на наши отношенія въ русской Польшѣ,—нѣтъ спора, что въ галиційскихъ манифестаціяхъ прошлаго года можно видѣть отраженіе враждебной намъ общей политики Австріи, съ которою мы должны считаться и въ нашемъ вопросѣ; но исчерпываютъ ли такія событія, какъ юбилей Крашевскаго, поѣздка Франца-Іосифа по Галиціи, празднованіе пятидесятилѣтія революціи 1830 г.,—исчерпываютъ ли они всю польскую жизнь и слѣдуетъ ли ихъ выдвигать на первый планъ, когда заходитъ рѣчь о нашихъ отношеніяхъ къ полякамъ, живущимъ въ Россіи? Слѣдуетъ ли также, передавая извѣстія о подобныхъ событіяхъ, прибавлять: *haec fabula docet* и т. д., въ смыслѣ невозможности примиренія съ поляками? Въ нашихъ газетахъ извѣстнаго пошиба это дѣлается сплошь и рядомъ.

Я только въ одномъ отношеніи признаю важность всего, дѣлающагося въ Галиціи, для рѣшенія *нашего* вопроса, но съ этой стороны никто за дѣло взяться не хочетъ: важно было бы изучить польское общество въ Галиціи и, пожалуй, вообще за границей, цѣли и стремленія отдѣльныхъ въ немъ партій, ихъ взаимныя отношенія, отраженіе общественной мысли въ періодической прессѣ и т. д.,—важно было бы это потому, что мы знали бы тогда, какое вліяніе вообще могутъ имѣть на нашихъ поляковъ

поляки Австріи, Пруссіи и эмигрировавшіе, и въ чемъ первые похожи или непохожи на послѣднихъ. Между тѣмъ по всему этому у насъ существуетъ полнѣйшее невѣжество: тѣ, которые судятъ и рядятъ о теперешнихъ полякахъ вообще по заграничнымъ, и послѣднихъ-то знаютъ большею частью только по случайнымъ газетнымъ извѣстіямъ. Знать обстоятельно то, на что мы сейчасъ указали, гораздо полезнѣе, чѣмъ заниматься высшею политикой и переворачивать всѣ дипломатическія отношенія европейскихъ государствъ за послѣдніе годы для рѣшенія вопроса, можемъ ли мы теперь мириться съ поляками. Всѣ и безъ того хорошо знаютъ, какое вообще вліяніе имѣли или должны были имѣть на нашу и австрійскую политику крупнѣйшія событія послѣднихъ лѣтъ, каковы—объединеніе Германіи и начало освобожденія балканскихъ славянъ отъ турецкаго ига, но это знаніе нисколько не поможетъ намъ разрѣшить *нашъ*, русско-польскій, вопросъ, хотя бы мы самымъ точнымъ образомъ опредѣлили отношеніе поѣздки Франца-Іосифа и юбилея 1830 г. къ общей австрійской политикѣ и къ чаяніямъ заграничныхъ поляковъ.

Итакъ, по моему мнѣнію, мы слишкомъ много говоримъ по поводу нашего вопроса объ общей политикѣ, о заграничныхъ полякахъ, о чисто-внѣшнихъ событіяхъ, мало зная положеніе дѣлъ въ той же Галиціи и, пожалуй, еще менѣе будучи знакомы съ самою интересною для насъ частью старой Польши, съ царствомъ. Да и откуда намъ знать о послѣднемъ? Въ нашихъ столичныхъ газетахъ нерѣдки, правда, корреспонденціи изъ Варшавы, но въ нихъ вы найдете извѣстія о погодѣ, о состояніи мостовыхъ и тротуаровъ, о какой-либо конской выставкѣ, о крупной кражѣ, о криминальномъ казусѣ, о торговыхъ дѣлахъ, о торжественномъ обѣдѣ въ русскомъ клубѣ — вотъ и все. Да бо́льшаго и найти нельзя: варшавскіе корреспонденты—русскіе, не знающіе польскаго общества, чиновники, на все смотрящіе съ казенной точки зрѣнія, или особаго рода публицисты, полагающіе, что ихъ миссія — утирать носъ полякамъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Отъ такихъ корреспондентовъ, конечно, ничего не узнаешь, и особенно о русско-польскихъ отношеніяхъ въ царствѣ: вопросъ этотъ они обходятъ, о препятствіяхъ къ сближенію съ нами поляковъ въ характерѣ значительной части здѣшнихъ русскихъ дѣятелей обязательно умалчиваютъ, а вотъ если есть возможность какого-либо «полячка» изобличить, то это съ большимъ удовольствіемъ.—Обратимся къ мѣстной прессѣ.

Но мѣстная пресса—подъ игомъ цензуры, и очень-очень строгой цензуры, которая только весьма недавно немножечко ослабила стискиваніе печати своими ежовыми рукавицами (объ этомъ см. № 25 газеты *Молва* за нынѣшній годъ). «Варшавскою цензурою,—читаемъ мы въ № 10 газеты *Порядокъ*,—преслѣдовалась не только всякая свѣжая мысль, мало-мальски уклоняющаяся отъ общепринятой рутины, но даже форма и способъ выраженія преслѣдовались безъ всякаго основанія и даже въ противность государственному интересу, по личному вкусу и разумѣнію, слѣдовательно—по произволу, цензоровъ. Отъ этого произвола литература не могла себя оградить ничѣмъ; *онъ лишалъ ее даже свободы заимствованія идей и фактовъ изъ современной жизни русскаго общества*.... Относительно русской печати установилось въ Варшавѣ правило, что далеко не все, напечатанное въ Россіи о полякахъ или по польскому вопросу, можетъ быть переводимо въ Варшавѣ. *Не разрѣшалось переводить извлеченія изъ мѣсячныхъ обозрѣній русскихъ журналовъ...., для Варшавы плоды русской мысли были запретными плодами»*. Хороша, мимоходомъ сказать, почва для сближенія и хороши условія, въ которыя поставленъ русскій, который, не живя въ царствѣ Польскомъ, берется разрѣшить русско-польскій вопросъ! Людямъ подобросовѣстнѣе приходится молчать, менѣе осмотрительные и не пытаются проникнуть въ эту *terram incognitam:* они даже не замѣчаютъ существующаго неудобства, но, «пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ», начинаютъ припоминать дѣянья старины глубокой», и лишь рѣчь заходитъ о «кичливыхъ ляхахъ», живущихъ въ Россіи, какъ начинаютъ шелестѣть газетными листами, ища въ нихъ свѣженькихъ извѣстій о какой-либо польской демонстраціи, когда хотятъ постигнуть, что творится въ польскомъ заграничномъ мірѣ. Мы уже видѣли, какую службу служатъ нашимъ публицистамъ извѣстной категоріи газетныя извѣстія,—посмотримъ теперь, къ чему многіе изъ нихъ для рѣшенія русско-польскаго вопроса считаютъ нужнымъ залѣзать въ хартіи, покрытыя вѣковою пылью, т. е., говоря проще, въ гимназическіе учебники исторіи.

Ахъ, тамъ очень просто разрѣшено все! Будемъ о настоящемъ судить по прошлому, а въ прошломъ вѣдь была Польша, заправлявшаяся одною шляхтой да ксендзами,—значитъ, и теперь она такая. Какъ это ни странно, но наши полонофобы и полонофаги не иначе смотрятъ на современную Польшу, какъ го-

ворится въ учебникахъ исторіи о тѣхъ временахъ, когда въ Польшѣ, дѣйствительно, съ паденіемъ государственной власти, упадкомъ городовъ, закрѣпощеніемъ поселянъ, побѣдой католической реакціи надъ иновѣріемъ и свободомысліемъ,—утвердилась власть дворянства и духовенства на угнетеніе народа и на погибель государства. Дѣло въ томъ, что подъ поляками во многихъ статьяхъ нашихъ газетъ разумѣется только шляхетство, проникнутое клерикальными тенденціями. Но возможно ли, спросимъ мы, чтобы *не начали и въ Польшѣ, подобно тому, какъ и въ иныхъ странахъ Европы*, падать феодально-католическія основы общественной и умственной жизни, чтобъ и здѣсь не появились въ общественной дѣятельности люди иного, чѣмъ шляхта, соціальнаго слоя и иныхъ, нежели ксендзы, воззрѣній?—Конечно, невозможно, немыслимо; но тѣ публицисты, о которыхъ мы говоримъ, этого не знаютъ: *Новое Время* въ выраженіи «польскій демократъ» видитъ какую-то *contradictionem in adjecto* и ставитъ при немъ знакъ вопросительный и знакъ восклицательный; другіе, не лучше зная дѣло, утверждаютъ, что если въ Польшѣ и возможенъ прогрессъ въ направленіи антиаристократическомъ и антиклерикальномъ, то только при помощи русскихъ, которые давно и создали бы тамъ новую породу людей, не мѣшай этому коварные галицкіе поляки. Согласенъ, что мы (т. е. не всѣ, конечно) могли бы содѣйствовать такому прогрессу въ Польшѣ, но, право, кромѣ галицкихъ поляковъ здѣсь еще кое-кто виноватъ, а кто больше—судить трудно. Я, впрочемъ, не касаюсь этого вопроса по существу и ограничусь лишь еще выдержкой изъ № 10 газеты *Порядокъ*: «Варшавская цензура,—говорится тамъ именно,—относится съ одинаковымъ недовѣріемъ ко всѣмъ направленіямъ польской печати Привисляпскаго края... Въ невыгодномъ положеніи находится и такъ-называемая «молодая» печать болѣе радикальнаго пошиба, *поставившая себѣ задачей бороться открыто съ шляхетскими и клерикальными тенденціями*. Въ послѣдніе годы, вслѣдствіе внутреннихъ осложненій въ политикѣ Россіи, *эта молодая печать заподозрѣвается въ соціализмѣ и нигилизмѣ*. Отъ бывшаго начальника края, графа Коцебу, исходило представленіе о закрытіи одного изъ такихъ органовъ печати, а именно газеты *Nowiny*. Главное управленіе по дѣламъ печати не могло согласиться съ мнѣніемъ графа Коцебу и отстояло газету....»

Наши полонофаги игнорируютъ, большею частью, существованіе этой молодой печати и представляемой ею, если можно такъ въ данномъ случаѣ выразиться, партіи. Они все еще толкуютъ о шляхетствѣ и «латинствѣ», какъ будто ими исчерпывается все содержаніе современной польской жизни. Вотъ вамъ, господа, и такіе люди, у которыхъ уже нѣтъ ни сословныхъ, ни вѣроисповѣдныхъ препятствій для сближенія съ русскими,—конечно, съ русскими, не считающими перехода поляковъ въ православіе, усвоенія ими кириллицы, стараго стиля и богослуженія на церковно-славянскомъ языкѣ за *conditio sine qua non* сближенія. Въ томъ-то и бѣда, однако, что ратующіе противъ поляковъ публицисты сами большею частью не доросли до точки зрѣнія польской молодой печати, оставаясь большею частью либо фанатиками самаго допотопнаго свойства, либо шовинистами новѣйшей формаціи, и въ лучшемъ только случаѣ будучи людьми искренне заблуждающимися, но лишенными сокрушительныхъ инстинктовъ. Противъ одного фанатизма они выставляютъ другой, противъ одного шовинизма другой шовинизмъ,—такъ гдѣ же тутъ думать о сближеніи?... Мало того, наши публицисты какъ бы не могутъ понять иного, чѣмъ ихъ, отношенія къ дѣлу: въ рѣшительномъ и искреннемъ желаніи примиренія они готовы видѣть чуть не измѣну національности, какую-то двуличную игру, ни къ чему не ведущее сидѣнье между двумя стульями. Прочтите, наприм., характеристику г. Спасовича, набросанную г. Кояловичемъ въ статьѣ *Новаго Времени*,—статьѣ сравнительно умѣренной и даже допускающей возможность примиренія. «Г. Спасовичъ,—говорится тамъ,—во всю жизнь свою осуществлялъ идеалъ, для всѣхъ повидимому невѣроятный и неосуществимый. Онъ всею своею жизнью доказываетъ, что въ одномъ лицѣ,—въ его, именно лицѣ,—можетъ совмѣщаться и русскій, и польскій человѣкъ. Онъ и русскій профессоръ, и польскій ораторъ публичныхъ лекцій; онъ и русскій писатель, и польскій писатель; онъ русскій весьма извѣстный присяжный повѣренный, принимающій близко къ сердцу высокія блага русской цивилизаціи, и въ то же время онъ ревностный защитникъ даже интересовъ латинства (?). При одномъ имени этого дѣятеля невольно возникаетъ воспоминаніе объ Янусѣ.... Это очень смѣло,—говоритъ ниже г. Кояловичъ,—но бываетъ, кромѣ того, и очень трагично: г. Спасовичъ былъ-де жестоко отвергнутъ, жестоко, съ невѣроятнымъ цинизмомъ былъ осужденъ за совмѣщеніе въ себѣ русскаго и

польскаго человѣка». Дѣло идетъ о неприличной выходкѣ польскаго шовиниста, г. Лиске, въ отвѣтъ на примирительную рѣчь г. Спасовича во время празднованія юбилея Крашевскаго. Но что это доказываетъ?—Г. Спасовича осудилъ непримиримый полякъ, но и не особенно склонный къ примиренію русскій его также осуждаетъ,—больше ничего все это и не доказываетъ. Противъ *возможности* и *вѣроятности* дѣятельности г. Спасовича это аргументъ плохой. Пока обѣ стороны будутъ держаться за обветшалыя знамена, примиренія быть не можетъ, а г. Спасовичъ потому и не милъ обѣимъ сторонамъ, что бросилъ старыя знамена ради одного новаго, подъ которымъ, по его мнѣнію, могли бы сойтись обѣ стороны. Мы именно говоримъ о соединеніи «польскихъ демократовъ» со «свободномыслящими россіянами», заимствуя эти выраженія у шовинистическаго *Новаго Времени*, которое напрасно только говоритъ объ этомъ сближеніи иронически. Возможно ли здѣсь сближеніе, наши публицисты большею частью и не думаютъ разсматривать: игнорируя существованіе поляковъ безъ шляхетскихъ и клерикальныхъ тенденцій, не обращая вниманія на варшавскую молодую прессу, они, равнымъ образомъ, и «свободномыслящихъ россіянъ» знать не хотятъ, какъ тоже своего рода ренегатовъ. Для фанатиковъ и шовинистовъ польщизны точно также должны явиться ренегатами всѣ редакторы, сотрудники и подписчики «молодой» прессы, которая проповѣдуетъ, напримѣръ, такія неслыханныя вещи (см. проспектъ еженедѣльной газеты *Prawda* на 1881 г.): «Намъ говорили, что мы единый народъ народовъ, какіе-то особенные избранники, миссія которыхъ—распространеніе истиннаго просвѣщенія между всѣмъ человѣчествомъ; въ дѣйствительности же мы, чего никогда не слѣдуетъ забывать, только очень небольшой народъ, и вмѣсто того, чтобы мечтать о какомъ-то духовномъ предводительствѣ націями, мы должны болѣе всего думать, какъ бы только не отстать отъ другихъ».

Мы особенно настаивали на существованіи среди поляковъ новаго направленія потому, что, по нашему мнѣнію, только на этой почвѣ возможно начало сближенія. Во-первыхъ, какъ для русскихъ, такъ и для поляковъ, съумѣвшихъ отказаться отъ національнаго консерватизма и романтизма, число спорныхъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію и разрѣшенію, значительно уменьшается, тогда какъ ультранаціоналисты обоихъ племенъ своею полемикой способны плодить эти спорные вопросы до безконеч-

ности. Во-вторыхъ, люди новаго направленія могутъ дотолковаться до общихъ принциповъ, которые должны быть приложены къ рѣшенію этихъ вопросовъ, чего уже никакъ не могутъ сдѣлать непримиримые, изъ которыхъ у каждой стороны такіе принципы, что они совершенно исключаютъ собою принципы противной стороны. Въ-третьихъ, люди, исповѣдующіе одни и тѣ же убѣжденія, съумѣютъ вести переговоры безъ раздраженія и съ уваженіемъ другъ къ другу, не подымая крика изъ-за какихъ-либо пустяковъ, изъ-за промаха или безтактнаго шага своихъ противниковъ, какъ это, то и дѣло, случается въ теперешнихъ газетныхъ статьяхъ. Наконецъ, при нашемъ предположеніи невозможно было бы и незнаніе того, чего именно хочетъ противная сторона. Какъ намъ мириться,—восклицаютъ теперь весьма многіе,—какъ намъ мириться, если мы ради этого должны отдать полякамъ земли съ русскимъ населеніемъ, отказаться отъ національнаго единства, отдать свою азбуку и т. п.? Но кто всего этого требуетъ?—Потребуютъ этого, положимъ, какіе-либо политики-фантазёры да люди, живущіе традиціей границъ 1772 г. и національною романтикой, которой всегда даетъ обильную пищу иностранное владычество, но это—*непримиримые*, съ ними и толковать нечего, потому что ничего изъ этого не выйдетъ, какъ ничего не выйдетъ хорошаго и изъ разговоровъ «россіянъ несвободномыслящихъ», которые готовы стереть съ лица земли польскую національность, обрусить всѣхъ жителей царства и перелить весь польскій типографскій шрифтъ въ русскій гражданскій алфавитъ. Это—все люди отпѣтые: и тѣ, и другіе, вмѣсто элементарной формулы справедливости: *каждому свое*, признаютъ только одинъ принципъ: *мнѣ все*, *другимъ ничего*; имъ непонятно мудрое изреченіе: «не дѣлай другимъ того, чего ты не желалъ бы, чтобы дѣлали тебѣ другіе»; они—или руссификаторы въ царствѣ Польскомъ, или полонизаторы въ Галиціи, ибо для нихъ не существуетъ одинаковаго для каждой національности права на существованіе. Кажется, видно, о чемъ тутъ идетъ дѣло, но голую правду однако считаютъ нужнымъ маскировать. Такъ, извѣстный проектъ денаціонализировать польское простопародье, поставить его въ невозможность пріобщаться культурной жизни при посредствѣ роднаго языка, давши этому простопародью особую школу, которая обучала бы польской грамотѣ на русскомъ алфавитѣ и не научала бы читать настоящихъ польскихъ книгъ,—такой даже проектъ прикрывался соображеніями очень съ виду

благопристойными: нужно, видите ли, было уже освобожденныхъ и надѣленныхъ землею польскихъ хлоповъ окончательно вырвать изъ-подъ всякаго вліянія пановъ, дозволить имъ развиваться самостоятельно, не заражаясь шляхетско-клерикальными мотивами польской литературы, и т. д. Прожектеры забывали только, что всякое посягательство на народный языкъ скорѣе мѣшаетъ духовному освобожденію, чѣмъ ему помогаетъ, и что не вся же польская литература наполнена одними шляхетскими и клерикальными тенденціями. А можетъ-быть они и не забывали этого и вовсе серьезно не думали вызывать къ дѣйствительно *независимой* общественной жизни новые слои народа. Вѣроятнѣе всего, что здѣсь было нѣчто иное. Но рѣчь у насъ теперь не объ этомъ: возвращаемся къ нашимъ публицистамъ.

До сихъ поръ мы обвиняли ихъ главнымъ образомъ въ незнаніи, въ незнакомствѣ съ тѣми явленіями дѣйствительности, которыя было бы необходимо прежде всего принимать въ разсчетъ, разсматривая, есть ли въ наличности какія-либо условія для прочнаго примиренія съ поляками. Намъ кажется, что они не такъ, какъ слѣдуетъ, берутся за дѣло и что въ результатѣ отъ такихъ пріемовъ возможны только накопленія спорныхъ вопросовъ, отсутствіе всякихъ общихъ принциповъ для ихъ разрѣшенія, взаимное раздраженіе спорящихъ сторонъ и полное непониманіе другъ друга. Поэтому нельзя не обратить вниманія и на тонъ, въ какомъ ведется полемика между нѣкоторыми публицистами. Не корите,—дали бы мы имъ такой совѣтъ,—не корите поляковъ за ихъ дѣйствія въ Галиціи, какъ за *дѣйствія, намъ враждебныя*, а объясняйте *принципіально* неправду этихъ дѣйствій (т.-е. насильственной полонизаціи русиновъ), называя своимъ именемъ и ту неправду, которую дѣлаемъ мы въ томъ же направленіи. Не говорите имъ, что мы-де сильнѣе васъ, что наша новѣйшая литература богаче и содержательнѣе вашей, что мы имѣемъ болѣе историческихъ правъ на спорныя земли, а потому мы, а не вы, должны господствовать; но развивайте передъ ними тѣ выгоды, которыми и они, и мы будемъ пользоваться при сближеніи,—ту пользу, которую можетъ оно принести и для нашей, и для ихъ литературы, а по отношенію къ спорнымъ землямъ указывайте на принципъ національности, который они должны такъ же уважать въ областяхъ съ русскимъ населеніемъ, какъ и мы—тамъ, гдѣ населеніе польское. Не ссылайтесь безпрестанно на факты, свидѣтельствующіе о теперешнихъ натянутыхъ и даже

враждебныхъ отношеніяхъ между русскими и поляками, какъ на аргументъ невозможности примиренія: самая мысль о примиреніи именно потому-то и имѣетъ свой смыслъ, что нужно же положить конецъ враждѣ, о которой вы такъ охотно говорите. Указывайте лучше на признаки новаго, на признаки начинающагося сближенія: старое намъ давно извѣстно и мы хотимъ отъ него избавиться. Разсказывайте, какія условія препятствуютъ тому, что примиреніе подвигается туго, и не забывайте при этомъ тотъ исключительный режимъ, которому до сихъ поръ подчинены поляки, и тѣ препятствія къ сближенію, которыя заключаются въ характерѣ дѣятельности многихъ русскихъ, имѣющихъ оффиціальное или неоффиціальное отношеніе къ Польшѣ. Имѣйте въ виду, что примиреніе не свалится съ неба совсѣмъ готовымъ, а что для него нужно подготовить почву и заняться этимъ слѣдуетъ намъ же самимъ. Работайте же надъ тѣмъ, чтобы найти справедливое рѣшеніе вопроса,—надъ тѣмъ, чтобъ убѣдить нашихъ соотечественниковъ въ необходимости такого рѣшенія,—надъ тѣмъ, чтобъ и другая сторона начала внимательно прислушиваться къ нашему голосу и относиться къ намъ съ уваженіемъ. Не подымайте поэтому въ полемикѣ съ поляками всякой старой дребедени, способной лишь запутывать самые простые вопросы и давать полякамъ право упорствовать въ своемъ старомъ предубѣжденіи противъ насъ. А главное—изучайте вопросъ, давайте обществу дѣйствительное знаніе о состояніи вопроса. Что же касается до хорошихъ результатовъ, то ихъ можно уже предвкушать и теперь.

Существуетъ не мало фактовъ, свидѣтельствующихъ, что поляки царства Польскаго, не пріученные за послѣднее время къ особенно хорошему обращенію, умѣютъ цѣнить всякое безпристрастное къ нимъ отношеніе со стороны отдѣльныхъ ли русскихъ, живущихъ въ Польшѣ, со стороны ли нашей столичной прессы. Грустно поэтому, что такъ рѣдки вообще проявленія безпристрастія къ полякамъ съ нашей стороны, что въ Польшѣ много русскихъ, которые ставятъ себѣ въ заслугу непопулярность среди мѣстнаго населенія, и что въ нашей прессѣ такъ часто появляются задирательныя статейки. Грустно и то, что въ Варшавскомъ университетѣ существуетъ рознь между польскими и русскими профессорами: сколько намъ извѣстно, большая часть и тѣхъ, и другихъ относятся къ числу ультранаціоналистовъ или смотрятъ на себя какъ на чиновниковъ и совершенно индифферентно от-

носятся къ дѣлу, которое не входитъ въ кругъ ихъ прямыхъ обязанностей. Между тѣмъ, какъ мы слышали, польская молодежь относится съ довѣріемъ къ тѣмъ изъ русскихъ профессоровъ, которые приходятъ къ ней съ правдивымъ словомъ науки, безъ всякой задней мысли навязать ей извѣстныя, считающіяся почему-то специфически-русскими, воззрѣнія. Мы думаемъ, что русскій университетъ въ Варшавѣ могъ бы сослужить великую службу дѣлу сближенія, еслибы рѣшительнѣе вносилъ въ польскую среду обновляющую струю обновленной русской науки, и только одну эту струю: при извѣстномъ консерватизмѣ большинства польскихъ ученыхъ, сочувствіе молодежи въ данномъ случаѣ не всегда было бы на сторонѣ *своихъ* профессоровъ, но никогда съ польскимъ консерватизмомъ, имѣющимъ все-таки за себя національный характеръ и историческую основу, не выдержать конкурренціи и чисто-русскому консерватизму, такъ-сказать чужому и безпочвенному въ Польшѣ. Но я опять уклонился въ сторону и возвращаюсь снова къ нашимъ публицистамъ, съ которыми еще не все кончено*).

Я имѣю теперь въ виду вотъ какую сторону дѣла, составляющую, можетъ-быть, даже исходный пунктъ во всемъ вопросѣ. Это—страхъ передъ разливомъ германизма, передъ тѣмъ вѣчнымъ *Drang nach Osten,* который долженъ былъ только усилиться съ основаніемъ Германской имперіи. Дѣло въ томъ, что полякамъ серьезно можетъ грозить онѣмеченіе, сдѣлавшее уже громадные успѣхи въ великомъ княжествѣ Познанскомъ; поляки ищутъ поэтому союзника, ищутъ опоры во всемъ славянскомъ мірѣ, а такъ какъ въ послѣднемъ самую выдающуюся роль играетъ Россія, то союзъ съ нею является гарантіей ихъ національнаго существованія. Съ другой стороны, и для насъ выгоднѣе на своей западной границѣ имѣть націю дружественную, а не враждебную, въ виду возможности столкновенія съ Германіей, не говоря уже о томъ, что совсѣмъ ужь невыгодно было бы превращеніе поляковъ въ нѣмцевъ и вообще усиленіе нѣмецкаго элемента въ царствѣ Польскомъ. Разсчетъ простой и ясный, и если даже оставить въ сторонѣ принципіальную точку зрѣнія и разсматри-

*) Это отступленіе я позволилъ себѣ по поводу слѣдующаго мѣста въ статьѣ г. Кояловича, въ № 1733 *Новаго Времени*, на которую мнѣ часто приходилось уже ссылаться: «въ особенности на этомъ пути (т. е. примиренія) должны были бы сойтись и дѣйствовать за одно русскіе и польскіе ученые въ Варшавскомъ университетѣ».

вать вопросъ практически, то наши обрусители должны были бы принять въ соображеніе, что обрусить мы не обрусимъ, а поможемъ только дѣлу германизаціи своими мѣрами, направленными противъ національнаго языка: расшатайте польскую національность—и она скорѣе станетъ добычей германизма, а не нашею, потому что нѣмецъ умѣетъ эту штуку дѣлать, а мы нѣтъ. Какъ же смотрятъ на это дѣло нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ?— Странное опять недоразумѣніе: поляковъ нѣкоторые упрекаютъ въ томъ, что они не противодѣйствуютъ германизаціи,—и упрекаютъ въ этомъ, требуя въ то же самое время такихъ мѣръ, которыя какъ разъ на руку нѣмцамъ. Поляки не противодѣйствуютъ германизаціи!... А что мы противъ нея дѣлаемъ въ Польшѣ?... Но пусть отвѣтитъ за насъ г. Кояловичъ, въ статьѣ котораго о польскомъ вопросѣ, вообще не вполнѣ безпристрастной, есть мѣста совершенно безпристрастныя, въ родѣ слѣдующаго: «мы, русскіе, искренне можемъ покаяться передъ поляками въ нашемъ большомъ историческомъ грѣхѣ, *что всегда мы содѣйствовали онѣмеченію Польши*». Еслибы да всѣ наши публицисты такъ думали, а то многіе держатся такого мнѣнія, что та же самая фатальная ошибка польской интеллигенціи, которая привела Польшу къ политической смерти, и нынѣ ведетъ ее къ смерти національной, что сами поляки, и одни только они, виноваты, если дни ихъ существованія сочтены (какъ думаютъ тѣ же публицисты), что въ этомъ—исполненіе приговора нѣкоего неземнаго суда.... И, что страшно, какое-то злорадство слышится въ этомъ мнѣніи,—злорадство, которое здѣсь не у мѣста, не говоря уже о томъ, что само по себѣ оно нехорошо. Вмѣсто того, чтобы видѣть въ нѣмцѣ общаго противника и обдумать вмѣстѣ, какъ бы противъ него устоять, наши полонофаги готовы въ данномъ случаѣ чуть не славить нѣмца, какъ исполнителя велѣній судьбы, карающей Польшу за то, что она не любитъ насъ. Тутъ ужь все, что можетъ произвести ослѣпленіе страстью: и непониманіе собственныхъ интересовъ, требующихъ, чтобы Польша уцѣлѣла передъ напоромъ германизма, и забвеніе собственныхъ грѣховъ, сваливаемыхъ нерѣдко съ больной головы на здоровую, а что важнѣе всего, такъ это—возбужденіе совершенно законнаго негодованія поляковъ. Сказать: «вы погибнете, туда вамъ и дорога, а мы спасать васъ и не подумаемъ», сказать это—какое безчеловѣчіе, какая жесткость сердца, какое «высокое проявленіе христіанской любви»!

Пора кончить. Цѣлью нашей замѣтки не было разсмотрѣніе русско-польскаго вопроса во всей его сложности, не былъ и отчетъ о состояніи его въ нашей журналистикѣ: мы хотѣли указать только на нѣкоторыя изъ тѣхъ отрицательныхъ качествъ, коими отличается большая часть газетныхъ статей, касающихся вопроса. Многія мы обошли молчаніемъ, но и изъ того, что сказано, можно видѣть, какъ неудовлетворительно ставится «вопросъ о примиреніи» въ нашей текущей журналистикѣ. Наше мнѣніе то, что, къ сожалѣнію, чаще всего говорятъ объ этомъ предметѣ люди, которые менѣе всего способны быть примирителями: наше мнѣніе то, что къ рѣшенію вопроса подходятъ не съ той стороны, съ которой слѣдовало бы подходить, то ограничиваясь соображеніями высшей политики, то занимаясь исключительно заграничными поляками, то роясь въ исторіи, чтобы выискивать факты, свидѣтельствующіе о нашей исконной враждѣ, то, наконецъ, пуская въ ходъ какое-то злорадство фанатизма по поводу некрасиваго настоящаго Польши, или съ шовинистическимъ гаерствомъ хвастаясь нашимъ превосходствомъ передъ поляками. Жаль поэтому, очень жаль, что людямъ иного склада приходится большею частью молчать: сначала молчали по независящимъ, какъ говорится, обстоятельствамъ, а теперь молчатъ потому, что въ большинствѣ случаевъ не знаютъ, да и не могли иногда узнать дѣйствительнаго положенія дѣлъ. Гдѣ же вопросу подвигаться къ своему разрѣшенію, когда одни изъ насъ всячески тормозятъ дѣло, а другіе его впередъ не двигаютъ? Есть, конечно, исключенія, но ихъ слишкомъ мало.

Будемъ же винить самихъ себя, что, уступая голосъ въ столь важномъ дѣлѣ лицамъ, поставившимъ себѣ задачей тормозить это дѣло, мы до сихъ поръ не достигли полнаго довѣрія поляковъ къ нашимъ примирительнымъ стремленіямъ: не одни поляки виноваты въ своей сдержанности по отношенію къ намъ. И тогда даже, когда у насъ уже не будетъ серьезныхъ поводовъ упрекать самихъ себя, пусть лучше не отъ насъ сыпятся упреки на головы тѣхъ польскихъ публицистовъ, которые не захотятъ понять или не съумѣютъ справедливо оцѣнить той безпристрастной правды, которую мы должны высказывать, если искренне желаемъ примиренія: вѣдь упреки не приведутъ къ нему, приведетъ только слово убѣжденія; судъ же надъ ними да произнесутъ ихъ собственные соплеменники, которые рано или поздно поймутъ, гдѣ правда и гдѣ упорство, какъ и мы понимаемъ,

когда у нашихъ публицистовъ правда прихрамываетъ, а упорство держится слишкомъ ужь непоколебимо.

И сколь бы отдаленною ни казалась возможность окончанія всѣхъ нашихъ старыхъ счетовъ съ поляками, мы не должны бросать дѣло, памятуя мудрое слово поэта:

Chociaż nie skończysz, ciągle rób:
Ciebie, nie dzieło porwie grób *).

В. Р. К.

*) Хотя ты и не окончишь, все-таки работай:
Тебя вѣдь, а не дѣло унесетъ могила.

2007096080